

Он воодушевился, словно испытывал глубокое восхищение этим городом. Это тронуло меня еще сильнее. Сяо Лянь, стоя на моем балконе и любуясь Второй кольцевой дорогой, проявляла похожее возбуждение. Однако тогда я испытывал лишь пренебрежение, но никак не трогательность. Наш разговор не был особо оживленным. Стекла машины быстро затянуло белесой пеленой. Он включил обдув, но, возможно, из-за того, что автомобиль был слишком старым, устройство работало едва ли эффективно. Тогда он еще сильнее сосредоточился на дороге. Я же естественным образом погрузился в молчание. Когда мы добрались до дома, острая боль в ребрах при движении рукой стала терпимой. Я снова поблагодарил его. Он снова улыбнулся.

Он помог мне войти в дом, и наш шум встревожил пожилую еврейку-хозяйку. По сравнению с предыдущим арендодателем, она была не только моложе и бодрее, но и куда гостеприимнее. Английский А Вэнь звучал для меня не хуже, чем у американцев, что добавило еще одну каплю зависти в мою душу. Старушка принесла мне лед, и ее забота на мгновение напомнила мне о бабушке. Снова эта ненадежная память. Ведь когда бабушка рассказывала мне суеверные сказки, я должен был быть слишком мал, чтобы запомнить ее облик. Но если это так, как я помню те истории? Моя память становилась все более подозрительной. А Вэнь попрощался. Я еще раз поблагодарил его, не устывая повторять слова признательности. Заодно я попросил его передать хозяйке «Китайского дома», что со мной все в порядке и завтра я буду на смене вовремя. Конечно, я обязан был быть в порядке и обязан был выйти на работу. Иначе, даже не обращаясь в неотложку, я бы остался без гроша. А Вэнь со смехом ответил:

— Уже так поздно, «Китайский дом» давно закрыт. Давай я завтра заеду за тобой, вместе поедем, и сам ей скажешь.

Только тут я осознал, что из-за меня он потерял целую смену заработка. Исполненный раскаяния, я поспешно отказался от его помощи. Но он говорил вполне серьезно. Он спросил, как же я доберусь до работы, если мой велосипед остался у «Китайского дома», а он за мной не заедет? Я только тогда вспомнил, что мое транспортное средство — велосипед. Мне нечего было ответить, и слова благодарности внезапно застряли в горле. В ту ночь за окном бушевала сильная метель. Даже спрятавшись в углу подвала, можно было слышать завывание ветра. Я немного беспокоился за А Вэня: не знаю, далеко ли он живет и долго ли ему ехать. Возможно, из-за смены жилья, из-за переутомления или ноющей боли в ребрах, я долго не мог уснуть. Я открыл ящик в поисках той кассеты, что помогала мне заснуть. Боль делала мои движения неуклюжими, сильно замедляя поиски. Я наткнулся на дневник А Лань. Оставив поиски, я лег в кровать с дневником в руках. Наугад открыл страницу: летняя ночь, Лань и Хуэй прогуливаются по тропинкам в Парке Цзичжунань. Тени от бамбука под лунным светом слегка колышутся на ночном ветру. Я никогда не был в Парке Цзичжунань, но мы с Вэем часто проезжали мимо его ворот на велосипедах. В этом мягком ночном сумраке я погрузился в глубокий сон. В этом мягком сумраке я снова увидел Хуэя. На нем была кремовая рубашка, черный жилет и черные брюки. Всю ночь я был с ним, я все так же называл его Хуэем, а он называл меня Лань.

На следующий день я отправился в университет пешком. Полчаса ходьбы, а затем пять минут на школьном автобусе. Эти автобусы курсировали между кампусами Мичиганского университета. Университет был невероятно огромен и делился на Центральный, Южный и Северный кампусы, расстояние между ними составляло не менее десяти километров. В Центральном кампусе располагались гуманитарный, естественнонаучный и юридический факультеты, в Северном — инженерный и художественный институты, а между ними затесался

отдельный медицинский факультет. Какие именно институты были в Южном кампусе, я не знал; кроме спортивного, ничего не припоминалось. Школьные автобусы — огромные синие машины, которые в Пекине сочли бы весьма приличными туристическими лайнерами. Они курсировали между кампусами, бесплатно развозя студентов и персонал до учебных корпусов и парковок. Многим студентам-инженерам, особенно первокурсникам и второкурсникам, приходилось одновременно посещать профильные и базовые предметы: профильные, естественно, были в Северном кампусе, а базовые, вроде Высшей математики, — в Центральном. Мое новое жилье находилось в полчасе ходьбы от ближайшей остановки. Большинство пожилых одиноких людей, сдававших свои подвалы, жили в районах, где аренда была дешевле, тогда как жилье рядом с университетом стоило намного дороже. Эти полчаса пути дались мне нелегко. Хотя метель прекратилась еще ночью, снега на тротуарах было почти по колено. Он не должен был быть таким глубоким, но с самого утра снегоуборочные машины сгребли снег с середины дороги к обочинам. Пешеходов здесь почти не встречалось, и я в одиночку пробирался по пустынной улице. Когда я добрался до аудитории, мои брюки и носки промокли насквозь, а ноги ниже колен словно онемели. Как назло, сегодня был промежуточный экзамен по курсу высшей теории управления. Когда я вошел, экзамен уже шел. Меньше двадцати студентов были разбросаны по всей аудитории. Двухметровый парень положил свои «стволы»-ноги на соседнее сиденье, зажав карандаш в зубах и нахмурившись в глубоких раздумьях. Профессор с суровым лицом взглянул на опоздавшего меня, и в его взгляде появилось еще больше строгости. Я не посмел медлить, взял у него экзаменационный лист и сел на ближайшее место. Боль в области груди и живота мешала мне писать. От меня несло гарью: из-за боли я был не в силах снять свитер, а значит, и принять душ. Этот запах раздражал меня, и к моменту сдачи работы я успел ответить не на все вопросы. В обед, как и большинство инженерных студентов, я отправился в кафетерий Северного кампуса. Это был огромный зал с тремя точками фастфуда, мини-маркетом, множеством столов и стульев, а также пианино, на котором мог играть кто угодно. Во всем огромном Северном кампусе не было других заведений, поэтому большинство студентов и сотрудников обедали здесь. Я не был исключением. Разница лишь в том, что другие ели сэндвичи из торговых автоматов или пиццу из закусовых, а я — самодельный бутерброд, запивая бесплатной ледяной водой из кафетерия. Мой обед был прост: два куска хлеба и ломтик ветчины. Наестся этим было невозможно, но это все же лучше, чем утренняя чашка молока. Мой дневной рацион целиком зависел от того самого бесплатного ужина в «Китайском доме». Каждый вечер около девяти, когда посетителей становилось меньше, наступало время ужина для персонала. Шеф-повар на скорую руку обжаривал пару больших порций блюд, вываливал их в тазы, и еда казалась невероятно вкусной. В тот полдень из-за травмы я передвигался особенно медленно. Обед затянулся, и, когда я вышел из кафетерия, я столкнулся с А Вэнем. Мы оба были крайне удивлены. Думаю, мы и раньше могли сталкиваться, просто никто не обращал внимания. Оказалось, А Вэнь учился на одном со мной факультете, только он был магистрантом. На нем был свободный черно-белый клетчатый свитер, серо-белые джинсы и кепка NIKE, надвинутая очень низко на глаза. Даже без его слов было понятно, что он — молодой «тайванец». Выглядел он не старше меня. Точнее, должен был быть на несколько лет моложе. Но я знал, что мой глазомер никогда не был точным. Разве я не думал всегда, что Вэй намного старше меня? А ведь он был всего на год старше. Я больше не осмеливался угадывать возраст А Вэня. Я радовался этой встрече, потому что мне не нужно было идти полчаса до дома, чтобы дождаться его там. Мы договорились встретиться у кафетерия в четыре часа дня, чтобы вместе поехать в «Китайский дом». Несмотря на то что я все еще чувствовал себя скованно, в машине А Вэня я сидел гораздо свободнее и увереннее, чем вчера.

Я смотрел в окно на проплывающий мимо пейзаж. Наступали сумерки, и косые лучи солнца окрашивали улицы, превращая деревья в серебристые изваяния. Оказывается, зима здесь была

так прекрасна. Снег на дороге был давно расчищен, и «Тойота Королла» 86-го года выпуска А Вэня мчалась во весь опор. Мы быстро добрались до «Китайского дома», всю дорогу промолчав. Приветствие хозяйки было наполнено беспокойством, что вызвало у меня тревогу. Тревога сменилась унынием — она дала мне пятьдесят долларов и сказала, что больше приходить на работу не нужно. Думаю, она испугалась, в конце концов, она вовсе не была моей тетей. Я был в растерянности, но ради этих пятидесяти долларов и ужина все же доработал ночь, преодолевая боль. Случайно столкнулся в коридоре с А Вэнем. Он спросил, как я себя чувствую, я ответил, что хорошо. Он предложил завтра снова заехать за мной, чтобы я быстрее восстановился. Я поблагодарил и отказался, сказав, что больше не буду здесь работать. Внутри у меня все сжалось от горечи — я не ожидал, что испытаю подобные чувства. Он с выражением удивления и сожаления на лице не нашел, что ответить, чтобы утешить меня. Я поспешно улыбнулся и сказал, что понимаю его. Уходя со смены, он окликнул меня и спросил, не нужно ли меня подвезти. Я снова отказался, сказав, что мне нужно забрать велосипед. Он предложил положить его в багажник. Я отмахнулся: мол, слишком много хлопот. Он спросил, что я буду делать дальше. Я ответил: ничего страшного, найду другую работу. Он предложил оставить ему мой номер телефона: возможно, он сможет найти мне работу в лаборатории своего научного руководителя. Я нацарапал номер на салфетке и передал ему. Я думал, что он вряд ли получил полную стипендию, иначе не стал бы подрабатывать, а значит, у его руководителя вряд ли было много денег. Конечно, я ни на что не надеялся, но был ему очень признателен. Бесплатные обеды закончились. Пришлось учиться готовить самому. Я купил в супермаркете большую упаковку картофеля и куриных голеней, потушил их вместе. В первую порцию я добавил только соль и соевый соус — ничего другого мне в голову не пришло. Соевый соус был из американского супермаркета; там он был дешевле, чем в китайском магазине, но вкус имел довольно странный. Неудивительно, что вкус этого тушеного картофеля с голеньями был далек от привлекательного. Целую неделю я это ел, а потом купил такие же голени и картошку. К третьей неделе меня стало тошнить от одного вида куриных ножек. Я сменил их на ребрышки. Так и чередовал. Найти работу больше не удалось. Казалось, все китайские рестораны перестали нанимать нелегалов, особенно тех, кто не говорит по-кантонски. Я был на грани того, чтобы остаться без средств к существованию. Когда мое настроение упало на самое дно, результаты экзамена по высшей теории управления меня приободрили. Хотя я не успел сделать все задания, мой результат был лучшим среди двадцати человек в группе. Похоже, база, заложенная в университете Цинхуа, была не такой уж плохой. Хотя я все еще не до конца понимал лекции профессора, стоило открыть учебник, как все становилось ясным. Мои учебники представляли собой толстые пачки ксерокопий. Один американский учебник стоил семьдесят-восемьдесят долларов, что было мне не по карману. Но острая конкуренция между книжными магазинами дала таким беднякам, как я, шанс. Я покупал новый учебник, за ночь ксерокопировал его, а на следующий день возвращал в магазин. На этих копиях быстро появлялись мои заметки, перемешанные с комментариями на китайском. Я никогда не был бережливым по отношению к книгам, и такая дешевая односторонняя печать была для меня самым удобным вариантом. С этим приливом вдохновения я продолжал существовать в этом холодном чужом краю. Еще два года, всего два года — и я закончу учебу. Две недели я не заходил обедать в тот кафетерий. Мне не хотелось видеть А Вэня: он видел, как я упал, видел, как меня уволили, видел все мои унижения в «Китайском доме». Хотя до того вечера я даже не задумывался о его существовании, и, скорее всего, он тоже, но при мысли о том, как нелепо я выглядел на работе, как сидел в его машине, пропитанный кухонной гарью, я предпочел бы, чтобы он меня больше не видел. Однако нужда в работе заставила меня снова надеяться на руководителя А Вэня. Тем более что работа в университетской лаборатории была не только высокооплачиваемой, но и законной. Я наконец вернулся в кафетерий. Казалось, кафетерий стал не таким оживленным, как раньше. Зимнее солнце пробивалось сквозь панорамные окна, мягко ложась на плиточный пол. Темнокожая девушка, видимо, студентка музыкального факультета, изящно играла на пианино. Музыка была нежной и трогательной, и мой обед под

этот аккомпанемент растянулся — вольно или невольно.

За соседним столиком двое худощавых парней о чем-то тихо спорили. Оба были в облегающих свитерах с высоким горлом и прямых брюках. Один из них, с более утонченными чертами лица, обмотал шею белым шарфом — наряд, напоминавший прогрессивную молодежь Китая эпохи Движения 4 мая. Я предположил, что они иностранные студенты из Европы, так как американцы славились своим небрежным стилем и вряд ли бы так оделись в университет. К тому же, хотя их разговор был очень тихим, я уловил обрывки фраз — кажется, это был русский или что-то в этом роде, точно не английский. Музыка продолжалась, а мой сэндвич незаметно исчез. В бумажном стаканчике еще оставалось много ледяной воды. По привычке я должен был выпить ее залпом и бежать на занятия. Но до лекции было еще время. Я помедлил, решив посидеть еще немного. Придет ли сегодня А Вэнь? Я достал из сумки конспекты, собираясь их просмотреть, но краем глаза заметил, что парень за соседним столиком встал. Тот, что поутонченнее, под музыку вдруг начал танцевать балет. Судя по профессиональным движениям, он несомненно был студентом балетного отделения. Он действительно был очень изящным — и фигурой, и лицом. Движения были легкими, шея вытянута, голова высоко поднята, светлые волосы слегка развевались в такт танцу. Он был полон уверенности, раз решился на такой изящный танец при всех. Я оглядел остальных в кафетерии: один студент старательно читал, две девушки тихо переговаривались — они даже не обратили внимания на балет. Похоже, такие импровизации здесь не редкость. Танец закончился, музыка еще звучала, а парень уже закончил движения, накинул черное драповое пальто и вместе с другом направился к выходу. Мой взгляд проводил их, а голова все еще была занята балетом — танцевал он хорошо, по крайней мере, на мой дилетантский взгляд, ничем не хуже, чем по телевизору. На мгновение я даже проникся восхищением к этим будущим артистам. Я перевел взгляд на их столик: чисто, лишь два бумажных стаканчика с остатками воды. А под столом... белый шарф. Тот танцующий парень его обронил. Я поспешил подняться и поднять его — ткань была очень мягкой и приятной на ощупь. Поколебавшись, я быстро направился к выходу. Забыв надеть свой пуховик, я тут же ощутил, как уличный холод пронзил одежду. Я догнал парня, окликнул его и протянул шарф. Он улыбнулся и поблагодарил, при этом изо рта у него вырвалось облако пара. Я быстро вернулся в кафетерий. Зима в Мичигане была поистине суровой — градусов двадцать мороза, не меньше? Пробыв на улице меньше минуты, я почти окоченел. Я выдохнул на ладони и прижал их к ушам, которые почти потеряли чувствительность от холода. Фортепианная музыка стихла, девушка-пианистка тоже куда-то исчезла. За одно лишь мгновение кафетерий стал еще пустыннее, залитый ослепительным зимним послеполуденным солнцем. Я посмотрел на панорамное окно: те две девушки, что тихо болтали, уже удалялись по расчищенной дорожке, а в конце пути, вдалеке, я увидел пеструю фигуру, направляющуюся к кафетерии. Я пристально вгляделся — кепка, низко надвинутый козырек. Под ним, скорее всего, очки, стекла которых отражали солнечный свет. Наконец я понял: это А Вэнь. Его пестрый, объемный свитер был еще толще предыдущего, поэтому он даже не надел пуховик. Но, как бы там ни было, я считал, что этот аляповатый свитер ни в какое сравнение не идет с униформой «Китайского дома», которая смотрелась куда солиднее. А Вэнь подошел к дверям. Я поспешно уткнулся в конспекты на столе. Слегка прикусил зубами край бумажного стаканчика, стараясь выглядеть сосредоточенным. Я хотел, чтобы он сам решил, стоит ли со мной здороваться. Я чувствовал, как он подходит ближе. Ледяная вода в стаканчике чуть коснулась моих губ, я ощутил рябь на ее поверхности от своего дыхания. Он действительно позвал меня по имени. Я поднял голову, стараясь максимально широко открыть глаза, чтобы изобразить удивление. Он выглядел очень довольным. Я немного успокоился. Новости, которые он принес, были такими же воодушевляющими, как и его вид: его руководитель действительно искал студента на подсобные работы. Я почувствовал необычайное волнение. Мы сразу договорились встретиться в три часа дня, чтобы он отвел

меня к профессору.

Мы уже собирались попрощаться, как он вдруг что-то вспомнил и с извиняющимся видом признался, что потерял салфетку с моим номером. Я сразу сказал, что это неважно, и просто продиктовал номер вслух. На самом деле, раз мы уже договорились о встрече, знать мой телефон ему было незачем. Но он все же с важным видом достал из рюкзака блокнот. Он записал мое имя на китайском. Я не помнил, когда успел сказать ему свое имя. Давно я не видел этих иероглифов, и меня охватило странное волнение. Послеобеденное собеседование прошло гладко. Научного руководителя А Вэня звали Ло, он сам утверждал, что родом из Хуангана, провинция Хубэй. Он пришел в восторг от того, что я «хорошо знаю» его родной Хуанган. Хотя я подозревал, что он сам там никогда не был. Как и я. Его энтузиазм подарил мне новую работу — помогать на побегушках одному из докторантов. Этот докторант был единственным не тайваньцем среди всех подопечных профессора, его звали Стив. Стив был крепкого телосложения, красивый и застенчивый. Его темой было оснащение старого, невесть какого года выпуска «Форда» системой автоматической регулировки жесткости пружин. Профессор Ло с гордостью заявлял:

— Не смотрите, что машина старая, если мы разработаем эту систему, «Форд» будет ставить ее на «Линкольны»!

Я работал по пятнадцать часов в неделю, помогая Стиву устанавливать и снимать различные датчики, снова и снова измеряя, казалось бы, совершенно бессмысленные данные. И так раз за разом, без конца. Мне было плевать на прогресс проекта, меня интересовала только зарплата, которую платил профессор Ло — восемь долларов в час. На эти деньги я мог жить вполне достойно. Я был благодарен профессору Ло и еще больше — А Вэню. В конечном счете именно он помог мне найти эту работу. Лаборатория Стива находилась далеко от кабинета профессора Ло и лабораторий остальных студентов, поэтому я нечасто видел А Вэня, кроме как на еженедельных собраниях или редких лабораторных посиделках. Каждый раз такие мероприятия анонсировал А Вэнь. Не знаю, он ли это делал всегда. Однако Стив обычно не ходил ни на какие встречи, кроме официальных собраний, потому что там он чувствовал себя в меньшинстве. Я же, хоть и понимал разговоры тайваньских коллег и был похож на них внешне, в их компании все равно оставался «чужаком».

<http://bllate.org/book/21154/2144365>